

Когда приближается настоящий ураган, ветер всегда приходит раньше дождя. Даже поднявшись на склон, можно ясно услышать, как вдалеке у берега ревут гигантские волны.

Прилив поднимается с пугающей скоростью — сперва заливают рифы и отмели, затем захлёстывает каменистые пляжи, вперемешку с белым песком. Морская гладь становится похожа на кипящий котёл: водовороты один за другим выбрасывают из глубины живых существ, и тут же «драконье дыхание» уносит их к самому берегу.

Рыбы, креветки, раковины с грохотом падают вниз, крабы в панике пытаются зарыться в ил, но не успевают — один уже наполовину зарылся, но тут сверху с грохотом падает камень и разбивает его в лепёшку.

Деревья на горе Гуаньцзы будто пригнулись под невидимой рукой, на них давит неодолимая сила. Более хрупкие молодые, тонкие стволы ломаются пополам, не выдерживая напора. А высокие деревья, хоть и крепче, но их свежие побеги всё равно не могут устоять перед натиском урагана — ветви с треском ломаются, разлетаются во все стороны, падают с горы и летят вниз.

Невидимый ветер проносится сквозь горный лес, сквозь побережье, сквозь промежутки между каменными хижинами, превращаясь в вой волков и плач призраков. Первая вспышка молнии осветила небосклон, её белёсый свет проник в тёмную хижину сквозь щель в деревянной двери. Вслед за ней прокатился раскат грома — грохочущая череда ударов оглушала, будто разгневанный дракон зарычал над головой.

Сразу же вслед за этим хлынул проливной дождь.

Вся хижина моментально проснулась: стар и млад — все очнулись от сна, младшие дети подняли оглушительный плач, кто звал отца, кто мать. Чжун Хань прижался к Чжун Мину изо всех сил, не забывая при этом прикрыть собой корзинку со спящим котенком.

Вдруг снаружи что-то с глухим звуком ударило о дверь — то ли камень, то ли ком земли, поднятые ураганом, — и большинство в хижине одновременно вздрогнули.

— Что за дьявольская погода! — проворчал Го-ши, укачивая почти охрипшего от плача Ань-гера. — Обычный ветер так не ревет, а ведь дождь только начался!

— Холодно? — спросил Чжун Мин, сам удивившись, насколько напряжён и тревожен его голос.

Он вдруг понял, что взволнован куда сильнее, чем представлял себе раньше. Даже находясь не на воде, а под крышей, он снова и снова вспоминал картины из сна — тяжёлые, давящие, страшные. Образы всплывали перед глазами, и он даже не замечал, как непривычно звучал его голос.

Чжун Хань покачал головой:

— Не холодно, брат, — прошептал он. — Но такой сильный ветер... наши лодки не унесёт?

Ему было всего четыре или пять лет, помнить он начал лишь недавно — откуда ему знать, что такие ураганы случаются?

— Не унесёт, — уверенно ответил Чжун Мин, прочищая сжавшееся горло. — Наши лодки на самом верху.

Он провёл рукой по холодному затылку и вдруг понял, что весь вспотел.

...Вот уж ни к чёрту.

Он мысленно выругал себя, затем потрепал брата по голове, стараясь собраться с мыслями.

В хижине творился настоящий переполох. В конце концов взрослые решили не бороться с хаосом, а усадили всех вместе, кругом, прижав малышей к себе, укрыв и защищая. Две кошки — Да Хуа и Эр Хуа — тоже протиснулись внутрь. Обе были не худые, тёплые, с густой шерстью и мягкими телами. Чжун Мяо прижала одну к себе, другую отдала трёхлетнему Чжун Пинъаню. Го-ши гладил по спине рыдающего Ань-гера, направляя его ладошки на тёплый кошачий бок. Эр Хуа перевернулась на спину, выставив пушистое пузико, и наконец мальчик немного успокоился.

Но эта хрупкая передышка длилась недолго — дождь с новой силой обрушился на крышу, раздаваясь сухими, грохочущими ударами, будто сверху кто-то с остервенением стучал по барабану.

— Дождь, а шум такой, будто камни с неба сыплются... — пробормотал кто-то из взрослых.

Лян-ши с напряжённым лицом подняла фонарь и всмотрелась в потолок. Когда-то, ещё до замужества, она уже переживала ураган: тогда ветер сорвал крышу в родительском доме, вода залила всё внутри, вымочив вконец все запасы, которые её семья с таким трудом собирала почти полгода. Все сушёные припасы пропали, с тех пор Лян-ши особенно боялась такой разгульной погоды.

Она встревоженно поднялась, придерживая циновку на плечах:

— Пойду заранее найду пару тазов и мисок. Если вдруг крыша протечёт — сразу подставим.

Чжун Мин, услышав это, сразу опомнился, отпустил Чжун Ханя и пошёл проверить дверь. Провёл рукой по щели под ней — и точно, вода уже просочилась внутрь, песок промок широкой

полосой. Но каменистое основание и песчаный пол впитывали воду хорошо, беды пока не было. Лян-ши быстро нашла несколько деревянных тазов и крупных чашек, сложила их в угол, на случай если внезапно понадобится — чтобы потом не искать в панике.

Все в доме были на взводе. В такой тревоге прошёл почти целый полчас — дождь не только не прекращался, но и не ослабевал ни на миг. Однако, привыкнув к грохоту грома и вспышкам молнии, малыши уже не плакали, а на лицах взрослых начала появляться усталость.

Прикинув время, третий дядя решил, что мужчинам в доме нужно организовать ночное дежурство — на случай, если крыша вдруг потечёт или дождевая вода начнёт подтапливать пол. Если все заснут и проморгают, поздно будет что-либо спасти.

Чжун Мин понимал, что заснуть в ближайшее время ему всё равно не удастся, и вызвался дежурить первым. Уговорились: под утро его сменит Ху-цзы, а затем — Чжун Шитоу. Остальные же, спят они или нет — пусть хотя бы немного прикорнут.

Ближе к рассвету дождь стал понемногу стихать. Чжун Мин разбудил Чжун Ху, тут же проснулся и третий дядя. Втроём они снова подперли дверь парой тяжёлых камней. После этого Чжун Мин вернулся на постеленную циновку, улёгся рядом с младшим братом и, положив голову ему на плечо, вновь попытался уснуть.

.....

— Дождь кончился! Кончился дождь!

Кто-то из ранних встал и снаружи закричал во всё горло. Все, кто провёл ночь в тревоге, тут же в спешке распахнули двери. Солёный воздух после дождя ворвался в помещение, прокрутился внутри вихрем и унёс с собой ночную духоту. Стало легче дышать, в теле будто прибавилось сил.

Чжун Мин проснулся, всё ещё сонный, с некоторым удивлением осознав, что впервые за долгое время он так крепко и глубоко спал.

— Сяо Цзай? — первым делом он стал искать младшего брата.

— Брат, я тут! — донёсся до него звонкий голосок Чжун Ханя, и тот замахал ему из угла короткими ручонками.

Он обернулся и увидел, как третья тётя заплетает младшему брату волосы — пару раз обернула ленту вокруг узелка, затянула, и причёска была готова. Лян-ши шутливо шлёпнула Чжун Ханя по затылку и с улыбкой сказала:

— Ну давай, иди, найди своего старшего брата. Вы с ним — как неразлучники, в одном доме, а

всё боишься потеряться.

После ночи тревог, увидев младшего брата живым и целым, Чжун Мин наконец ощутил, как рассеялся нависавший над ним полжизни кошмар. Он с удовольствием потянулся, вскочил, пошёл к кадке в углу, зачерпнул воды, умылся и вышел на улицу.

— Да вы гляньте, что за ночь выдуло! Рыбу аж сюда прибило! — раздался чей-то крик.

Один из мужчин поднял с песка мёртвую рыбу длиной с предплечье, понюхал и довольно сказал:

— Свежая! Можно есть!

И, обрадовавшись, добавил:

— Вот и завтрак! Солёную жрать не придётся.

Услышав это, Чжун Мин тоже почувствовал, что его босые ноги на что-то натываются. Пнул пару раз и выковырял из песка морскую улитку.

Многие тут же забыли, что надо бы спуститься и проверить, как там лодки. Все бросились рыться в песке и камнях, в надежде отыскать, что же ещё нагнало ночью этим штормовым ветром. Рылись долго, но всё больше дохлая рыба попадалась. Повезло, как тому мужчине с целой рыбой, единицам. Те, что с локоть длиной, были редкостью, зато с ладонь — хоть отбавляй. Кроме рыбы попадались и крупные креветки, и крабы — что душе угодно. Правда, многое уже было перебито в клочья — такое шло кошкам.

— Вот жалко, в уезд не выбраться, — посетовал Го-ши, вороша рыбу в тазу. — А так и в море лезть не надо — на одной этой халыве можно было бы заработать.

Но при всей жалости к потерянной выгоде, он не забывал про свой желудок, и тут же начал обсуждать с Лян-ши, как лучше готовить улов.

Вскоре на склон вернулись третий и четвёртый дяди. Первый обнадёжил:

— С лодками всё в порядке. У некоторых парусину унесло, но не вдребезги — нашли, можно обратно натянуть.

А Чжун Мину сказал:

— У вашей лодки, племянник, на борту вмятина от камня. Не критично, на борту. Потом сам

залатаешь.

Затем четвёртый дядя вручил ему ведро, в котором сновали несколько крупных синих крабов, угрожающе размахивая клешнями:

— Всё побережье в мёртвой рыбе и креветках, как солнце выйдет — тухлятиной потянет. А вот эти крабы живые, в грязи отсиделись. Самое то на обед.

С такими припасами каждая семья сразу принялась разводить огонь. Хотя дождь и прекратился, небо оставалось пасмурным, ветер не унимался — в здешних краях во время урагана не отделялись одной бурей, стихнет не раньше чем через пару дней.

Пища у людей воды проста: в нормальный день хотя бы одна чашка каши из грубого зерна — иначе в животе пусто, и сил нет. Всё остальное — рыба, креветки, крабы, моллюски. Кто не хочет возиться, готовит на пару или просто ошпаривает кипятком. А если потрудиться — можно и запечь в соли, и поджарить.

Семья Чжун Чунся тоже собрала немало морского добра. Они поздоровались, отдали две лишние рыбины, которые не успели бы съесть, и ушли готовить у себя.

Поскольку в любой момент снова мог хлынуть дождь, завтрак готовили, как на военных сборах: быстро, сытно и в большом количестве — как вчерашнего пира уже не ждали. Мужиков в семье много, едят они от души, а время не ждёт.

Лян-ши с Го-ши в конце концов выбрали из рыбы самую свежую и решили приготовить на пару с рисом, а детям велели пойти вглубь дома и достать к ней из-под печати бочонок соевым соусом. То, что чистилось легко, отправили в глиняный котёл вариться в кашу. Что требовало больше возни — отварили просто так, в кипятке. Когда всё было готово, стол даже не стали ставить. Кто стоя, кто на корточках — каждый с чашкой в руках ел, как было.

Чжун Мин съел свою кашу, две рыбины, почистил младшему брату две креветки, дал ещё крабика — и наелся до сыта. Собрался было сказать, что пока не льёт, пойдёт вниз, посмотреть, как там всё. Но не успел — к ним уже кто-то пришёл.

— Слышь, А-Мин, у вас лестница есть? Вчера ночью крышу прорвало — всю ночь дождь лил. Хотел занять на время, починить.

Пришёл молодой парень из семьи Лю — Лю Шуньшуй, примерно одного возраста с Чжун Мином. Они были довольно знакомы, в хороших отношениях. Чжун Мин сам пошёл принёс для него лестницу, а потом услышал, как тот жалуется, что в доме мало помощников. Подумал, что всё равно без дела сидит, и вызвался помочь. Лю Шуньшуй искренне поблагодарил и ещё заодно одолжил молоток — забивать деревянные гвозди.

По дороге Чжун Мин особо не размышлял, но, когда подошёл к дому и увидел Лю Ланьцао, только тогда вспомнил: Лю Шуньшуй, кажется, её племянник. Только вот почему Лю Ланьцао теперь живёт в родительском доме — этого он не знал.

Он быстро огляделся — Су И не было видно. Увидел только того гера, что родился у Лю Ланьцао, тот как раз сторожил у печки, грел воду. Не найдя нужного, Чжун Мин на миг приуныл, затем отвёл взгляд и подошёл послушать, как братья из семьи Лю собираются чинить крышу.

Вскоре один за другим братья полезли наверх по лестнице. Чжун Мин остался внизу — придерживал лестницу, подавал доски и деревянные гвозди. Звуки молотка и топота по крыше не смолкали. В этот момент гер из семьи Лу зашёл в дом с водой. Подойдя к нему, он протянул чашку:

— Брат А-Мин, попей водички.

Чжун Мин сначала хотел отказаться — он ведь почти ничего не сделал, зачем зря тратить на него воду, которую каждая семья с трудом носит наверх. Но раз уж ему уже протянули чашу, было неудобно отказываться, пришлось поблагодарить и принять. Сделал пару глотков — и больше ничего не сказал.

Лу Юй нарочно задержался рядом, одной рукой теребя косу, завязанную набок. Длинные волосы мягко спускались по плечу к груди. У людей воды неженатые девушки и геры носят косы. Женатые — убирают волосы: девушки — в два хвоста, геры — в один. Он был уверен, что сейчас выглядит особенно прелестно — и нежно, и застенчиво. Но Чжун Мин, похоже, даже не взглянул в его сторону, ни малейшего отклика. Лу Юй почувствовал себя неловко, пришлось сдаться: он поставил кувшин с водой в сторонке и крикнул тем, кто был наверху:

— Кузен, спуститесь потом — сами себе нальёте.

Дом семьи Лю был несложен в починке, поломка пустяковая. Доску приладить — и хватит ещё на пару дней. Когда всё было закончено, Чжун Мин понёс лестницу к входу, Лю Шуньшуй задержался позади, подозвал Лу Юя, который всё это время бродил неподалёку, и тихо спросил:

— Я ведь специально его тебе привёл, ты только не упусти. Когда воду носил, он тебе что-нибудь сказал?

Лу Юй отряхнул полы одежды и с понурым видом пробурчал:

— Какое уж там «что-нибудь»... Он даже не взглянул на меня.

Сжав губы, он с надеждой спросил Лю Шуньшуя:

— Кузен, ты точно разузнал? У Чжун Мина и правда нет на примете ни девушки, ни гера, кто бы ему нравился?

Лю Шуньшуй уверенно кивнул:

— Точно нет. Он ведь только недавно по-настоящему решил жениться — откуда там успел бы появиться кто-то особенный?

Сказав это, он попытался утешить кузена:

— У тебя ведь внешность неплохая, один раз показался ему на глаза — он точно тебя запомнит. Ещё пару раз повстречаетесь — лицо станет знакомым, там и гляди что выйдет. А если не выйдет... да ты и не должен так на нём заикливаться. У него семья бедная, на новую лодку даже накопить не могут, что уж говорить о женитьбе — не такое уж и выгодное дело. Да и мать твоя вряд ли согласится.

Лу Юй встряхнул косой, недовольно фыркнув:

— То, что сейчас у него нет лодки, не значит, что и потом не будет. А моя мать меня любит, если я по-настоящему захочу замуж за него — всё равно дожду, чтобы согласилась.

Он ведь слышал, что Чжун Мин будто бы встал на правильный путь, а недавно и вовсе продал огромную цзяньяо за пять лян серебра — вот с тех пор у него и зародился этот интерес. В умении зарабатывать, как считал Лу Юй, во всём Байшуйао не сыскать второго мужчины, способного тягаться с Чжун Мином. Один выход в море — и уже пять лян серебра. Пусть не каждый день, пусть даже раз в месяц, но и того хватит, чтобы жить в роскоши. Разве это не достойный жених?

Если бы ему действительно удалось стать с Чжун Мином одной семьёй, сколько людей в Байшуйао лопнуло бы от зависти! Стоило представить себе такую картину — аж во сне улыбка на лице появлялась. Ради этого Лу Юй никому, даже родной матери, не открыл своих мыслей. Только тихонько поведал всё Лю Шуньшуйю, с которым у Чжун Мина были хорошие отношения, чтобы тот помог с делом. К тому же и у Лю Шуньшуйя была к нему просьба: этот парень положил глаз на гера из семьи Гэ, с которым Лу Юй часто общался, и собирался через него передать подарок.

Чжун Мин прождал довольно долго и наконец дождался, когда Лю Шуньшуй и Лу Юй пришли вместе. Те шли вплотную, разговаривали и смеялись, будто были закадычными друзьями. У Чжун Мина словно в голове что-то прояснилось: он вспомнил, что старший гер Лю Ланьцао вышел замуж за двоюродного брата по материнской линии, а сам Лю Шуньшуй ещё не женат. Кто знает, может, Лю Ланьцао как раз и поощряет такие браки между хорошо знакомыми семьями, где всё понятно и надёжно — родня на родне. Иначе зачем бы это при сломанной крыше в доме Лю Шуньшуйя воду нес не кто иной, как Лу Юй, — разве у Лю Шуньшуйя нет родной младшей сестры?

— А-Мин, — окликнул Лю Шуньшуй, — спасибо, что выручил. Когда утихнет ураган, заходи к нам на лодку — посидим по-братски, вина попьём.

— К чему эти церемонии, — отмахнулся Чжун Мин, думая, что его догадка, скорее всего, верна. Он не хотел задерживаться, чтобы не создавать лишних поводов для недоразумений, и, перекинув лестницу через плечо, другой рукой взяв молоток, сказал:

— Я тогда пойду.

<http://bllate.org/book/13583/1204990>